

DYNAMICS OF MEANING OF THE «LIVE WORD» IN SCIENCE AND IN COMMON KNOWLEDGE

A. Zalevskaya, Doctor of Philology, Full Professor
Tver State University, Russia

Dynamics of word meanings in scientific terminology and common knowledge is traced. Transition to the “live knowledge” paradigm requires a new methodology and will result in a new understanding of what’s there beyond the word.

Keywords: word meaning, live word, word meaning dynamics, experiment, evaluative-emotional feelings, common knowledge.

Conference participant, National championship in scientific analytics, Open European and Asian research analytics championship

ДИНАМИКА ЗНАЧЕНИЯ «ЖИВОГО СЛОВА» В НАУКЕ И В ОБЫДЕННОМ ЗНАНИИ

Залевская А.А., д-р филол. наук, проф.
Тверской государственной университет, Россия

Прослеживается динамика значения двух научных терминов и некоторых общеупотребительных слов с использованием материалов эксперимента с носителями русского языка. Обосновываются роль методологии научного поиска и важность перехода на новую парадигму исследования слова как «живого знания».

Ключевые слова: значение слова, живое слово, динамика значения слова, эксперимент, эмоционально-оценочное переживание, обыденное знание.

Участник конференции, Национального первенства по научной аналитике, Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

Вводные замечания

В задачи предлагаемого доклада входит демонстрация того, как значение слова – в том числе научного термина – подвергается частичному или полному переосмыслению. В науке это может сигнализировать о необходимости перехода на новую парадигму, способную обеспечить исходную «систему координат», которая отвечала бы потребностям развития теории в соответствии с вызовами сегодняшнего дня.

Вопросы динамики значения научного термина

Для примера возьмём термин «методология», с которым сталкивается любой учёный независимо от своей специальности. Долгие годы российские языковеды ориентировались на то, что МЕТОДОЛОГИЯ это «... учение о принципах исследования в науке о языке» [5: 299. Здесь и далее курсив мой. – А.З.], т.е. однозначно имелась в виду определённая «система исходных координат», базовых положений, следование которым направляет научный поиск, включая формулирование рабочей гипотезы и выбор исследовательских процедур для её проверки. Интересно, что ныне некоторые словари вообще не содержат дефиниции этого термина, включая лишь слово МЕТОД «(от греч. *methodos* – ‘путь, исследование, прослеживание’) – способ достижения определённой цели, совокупность приёмов или операций практического или теоретического освоения действительности» [9: 266]. В

других словарях имеет место определение понятия МЕТОДОЛОГИЯ как учения «о способах организации и построения теоретической и практической деятельности человека» [7: 628], иногда с уточнением и добавлением: МЕТОДОЛОГИЯ – «система принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе» [6: 277–278]. Ни один из известных мне словарей не отражает того, что ныне молодое поколение исследователей языковых явлений во многом ориентируется на доступную через сеть Интернет англоязычную научную литературу, в которой слово *methodology* нередко используется для обозначения набора используемых процедур (т.е. указывается, что некий приём или набор приёмов подходит для выявления искомым фактов или отношений), тем самым понятие методологии как системы исходных научных принципов расшатывается, а это создаёт представление о первичной важности не методологии, а *технологии* исследовательской работы. Основания для имеющей место подмены понятий см. в авторитетном американском словаре: «**METHODOLOGY:** 1. **a.** A body of *practices, procedures and rules* used by those who work in a discipline or engage in an inquiry; a set of *working methods*. **b.** The study or theoretical analysis of such working methods» [11: 1136]. Итак, фактически речь идёт о двух трактовках термина МЕТОДОЛОГИЯ, и хотя в реальном исследовании «методология как система исходных принципов» и «методология как технология» взаимодополнитель-

ны, следует признать, что в данном случае создавшаяся омонимия разнонаправленных по своей сути терминов может иметь печальные последствия для развития науки о языке. Выражаю надежду на то, что разграничение приведённых трактовок будет способствовать сохранению роли фундаментальных исследований методологической направленности в традициях подлинно научного языковедения.

Вторым примером может служить термин «концепт», первоначально синонимичный термину «понятие» как калька с английского *concept*. Происшедшее за последние годы переосмысление сути этого термина привело к пандемии исследований концептов при весьма смутном понимании того, что так именуется. Не имея возможности обсуждать здесь различные трактовки этого термина, как и имеющийся опыт моделирования структуры концепта (см. об этом: [1]), ограничусь выводами по результатам моих наблюдений за последние годы. Фактически в подавляющем большинстве исследований того, что авторы называют концептами, на базе словарных дефиниций и/или текстов анализируются объём и содержание понятия, лексико-семантические варианты слова, наборы семантических единиц разных наименований и уровней и т.д., т.е. рассматривается слово как *единица лексико-семантической системы языка*, а не то, что лежит за словом, с одной стороны, в этнокультуре, а с другой – в индивидуальном знании-переживании. То, что концепт как «сгусток культуры», «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций и т.д. именно переживается человеком, наглядно

показал Ю.С. Степанов [8]. Отсюда следует, что изучение концептов требует непосредственного обращения к носителю языка как одного из психических процессов, функционирующего не изолированно, а при взаимодействии с другими психическими процессами (восприятием, памятью, мышлением, воображением и т.д.). Это означает, что необходим интегративный подход с позиций ряда наук о человеке, включая когнитивную лингвистику, психологию познавательных процессов, нейронауки и т.д. Таким образом мы снова сталкиваемся с методологической проблемой: нужна соответствующая система исходных постулатов, определяющая базовые принципы интегративного подхода, которые в свою очередь направят выбор технологии научного поиска для проверки хорошо сформулированной рабочей гипотезы относительно специфики строения и/или функционирования того, что именно может пониматься под концептом как достоянием человека – представителя вида, члена социума (носителя той или иной культуры) и личности, включённой в постоянные взаимодействия с естественной и социальной средой. Следует особо подчеркнуть, что при различных трактовках концепта этот термин включается в разные категориальные поля с вытекающими отсюда следствиями и ожиданиями, т.е. снова имеет место своеобразная омонимия терминов.

Вопросы динамики значения живого слова у носителей обыденного знания

Проверка рабочей гипотезы, согласно которой в критические периоды жизни общества создаются условия для выявления особенностей развития значения слова и вхождения в обиход новых (в том числе – заимствованных) слов, проводилась в двухэтапном эксперименте с носителями русского языка, проживающими в разных регионах России (гг. Киров, Курск, Тверь, Уфа, Улан-Удэ) и за её пределами – в Республике Казахстан (Алматы, Шымкент) и в Украине (Киев). Набор заданий, названный мною психолингвистическим портретированием лексики, включал свободный и направленный ассоциативные эксперименты, субъек-

тивное шкалирование и два варианта дефинирования. Полученные от 1200 испытуемых материалы анализировались при сопоставлении результатов двух «срезов»: 1993 и 2010–2011 гг. (см. подробно: [2]). Исследовались 60 слов, которые в разведывательном эксперименте были названы наибольшим количеством испытуемых (далее – Ии.) в качестве слов, вошедших в русский язык за предшествующие годы, изменивших значение или вызывающих иные эмоционально-оценочные переживания.

Прежде всего следует отметить, что не все слова правильно идентифицировались носителями русского языка; то и дело обнаруживались весьма приблизительные или вообще неверные представления относительно того, что именно должно пониматься под тем или иным словом. Стратегии поведения Ии. различались – от отказа от выполнения задания (были оставлены пустые строки или сделаны записи типа: *не знаю, ничего в голову не приходит* и т.п.) до попыток найти какую-то структурную или семантическую опору для идентификации значения предложенного в эксперименте слова.

В качестве опор при неверной идентификации слов могут выступать близкие по форме слова. Так, слово БРОКЕР некоторыми Ии. было подменено словом «бройлер»: об этом свидетельствуют ассоциативно связанные с ним слова типа: *цыплята, курица, ферма*; слово БОЕВИК опознано как «броневик»: *военная машина для боевых действий*; некоторые Ии. перепутали слова МЕНТАЛИТЕТ и «суверенитет», определив значение первого из них как *независимость*; слово НАМЕСТНИК вызвало большие трудности, что проявилось в записанных Ии. словосочетаниях типа «НАМЕСТНИК престола» («наследник») и «НАМЕСТНИК статский» («советник»). Создается впечатление, что для носителей русского языка это слово не вполне понятно, о чем можно судить по записям типа: *НАМЕСТНИК поместья, крестьян, крестьянский, усадьбы, дачного хозяйства, деревенский, фермы* и т.п.

Обратим внимание на то, что подмены одних слов другими касаются как заимствованных, так и исконно

русских слов. Наибольшее количество отказов от дефиниции получено на заимствованные слова: ЛЕГИТИМНОСТЬ, МАРКЕТИНГ, МЕНТАЛИТЕТ, НУВОРИШ. Характер попыток Ии. догадаться о значении трудного слова разнообразен: *НУВОРИШ – богач, очень богатый, без понятия, черт его знает, восточный начальник, член какой-то религиозной секты, язык или нация, диссидент, несущий в себе черты чего-то нового* и т.п.; *БРОКЕР – посредник, маклер, коммивояжер, спекулянт, дилер, продавец* и т.д.

Некоторые примеры прослеженных сдвигов в значении того или иного слова приводятся ниже по итогам вертикального анализа (т.е. сопоставления данных 1993 и 2010–2011 гг.). Так, для слова АКЦИЯ в 1993 было актуальным значение «ценная бумага». В 2011 г. на первый план выходят значения: «торговое мероприятие» (*скидки, распродажа, уценка, специальное предложение*), и «рекламный ход с целью привлечь покупателей».

В экспериментальных материалах разъяснению значения идентифицируемого Ии. слова сопутствует выражение некоторого отношения к объекту, именуемому этим словом. Так, БИЗНЕСМЕН в 1993 г. воспринимался прежде всего как *спекулянт, делец, вор, бездельник; пронырливый человек, делающий деньги из воздуха*; в 2011 г. это: *предприниматель, деловой человек, владелец бизнеса, человек дела*, хотя и сохраняется единичная отрицательная оценка – *торгаш*, т.е. прослеживается сдвиг от преимущественно отрицательной оценки называемого бизнесменом человека к преимущественно положительной. Аналогично этому человек, именуемый словом ДЕЛОВОЙ, в 1993 г. воспринимался преимущественно как *наглый, крутой; высывающийся, где не просят*; в 2011 г. преобладают записи типа: *связанный с делом, занятый, предприимчивый, связанный с предпринимательством, хваткий, пробивной, активный, серьезный, целеустремленный, продуктивный, знающий свое дело при сохранении малочастотных записей типа: строящий из себя слишком много человека, нахальный, наглый, самодовольный, выделывающийся, высокомерный, амбициоз-*

ный. Интересна динамика значения слова ДЕРЕВЯННЫЙ, для которого в 1990 г. стало популярным значение 'дешевый', наглядно проявившиеся в записи: РУБЛЬ – *деревянный*. В 2011 г. такая связь перешла в разряд малочастотных; на первый план вышло значение 'сделанный из дерева'. С учётом создавшейся в последнее время конъюнктуры рынка можно прогнозировать, что в недалеком будущем слово ДЕРЕВЯННЫЙ станет увязываться со значением 'подлинный, из натуральных материалов, поэтому дорогой'. Для слова РАЗВАЛ в 1990-е гг. стало популярным значение 'рынок'; ныне самой частотной стала запись «*схождение-развал*», связанная с ремонтом автомашины; такие записи сделаны как мужчинами, так и женщинами.

Появление новых словосочетаний или изменение степени актуальности уже имевшихся или теоретически возможных для носителей русского языка сочетаний слов согласуется с динамикой соответствующих реалий повседневной жизни общества. Так, если в 1990 годы была очевидной привлекательность *свободного РЫНКА* и значимость *РЫНКА вещевого* (он же – РАЗВАЛ), то теперь на первый план вышел *РЫНОК труда*. По тем же причинам стала актуальной и сочетаемость слов, ранее не регистрировавшаяся в экспериментах. Например, к сочетаниям *БАНК данных, крови, донорской крови* добавились *БАНК спермы, тестов*. Вполне естественно, что ранее не могла быть актуальной *ДОСТАВКА пиццы*, *ДЕПУТАТ* увязывался с *Верховным Советом*, а не с *Государственной Думой*; в настоящее время *ПРИВАТИЗАЦИЯ* перестала вызывать представление о *ваучере* и т.д.

К основным выводам по результатам этого исследования относятся следующие: а) носитель языка может не иметь чёткого представления о значении хорошо известного ему (даже употребляемого им) слова; б) идентификация значения слова может реализоваться через область деятельности или ситуацию, с которыми как-то связан именуемый словом объект; в) может иметь место фокусирование на некотором признаке или признаке

признака именуемого словом объекта; г) идентифицируемое слово может вызывать ярко проявляющиеся эмоционально-оценочные переживания; д) могут иметь место сдвиги в значении слова и в вызываемых им эмоционально-оценочных переживаниях; е) представительный корпус экспериментальных данных свидетельствует о постоянном взаимодействии многих оснований для «выхода» индивида на многомерный образ мира в качестве базы для переживания слова как понятного. Главное состоит в том, что при идентификации слова как такового носитель языка использует стратегии и опоры, которые каким-то образом помогают ему найти хотя бы крупницу *разделяемого* с другими людьми знания и далее на этой основе **достроить** полезные для понимания и взаимопонимания образы, ситуации, отношения, следствия и т.д. Это происходит благодаря «выходу» на *внутренний контекст* предшествующего опыта со всеми возможными и воображаемыми ситуациями и выводными знаниями. Иначе говоря, речь идёт о том, что понимание слова индивидом обеспечивается взаимодействием ряда процессов и продуктов поиска (по множеству признаков и признаков признаков) разнообразных вербальных и невербальных опор в многомерной мультимодальной сети продуктов переработки опыта познания мира и общения.

Динамика значения слова и динамика методологии научного поиска

Приведённые примеры приводят к выводу, что для исследования слова как достояния индивида, т.е. «живого слова», требуется соответствующая методология, способная учесть специфику языка как одного из психических процессов, совокупность которых обеспечивает адаптацию человека к условиям естественного и социального окружения. Необходим переход на новую парадигму, суть которой передаётся метафорой «живое знание» (см. подробно: [4]). С этих позиций попытаемся вернуться к проблеме концепта.

Расплывчатость и «замысленность» термина «концепт» уже привели к тому, что наметилась тенденция ухода от его использования; делаются также попытки совсем от него отказаться. Так, Л. Барсалоу [10] предлагает перейти на термин «*simulator*» при обозначении встречного конструирования из элементов прошлого опыта в условиях, когда мы стараемся понять, о чём идёт речь. В русском языке термин «симулятор» едва ли приживётся из-за отрицательных коннотаций, сопровождающих слово *симуляция* и его производные, однако сама идея Л. Барсалоу хорошо согласуется с интерфейсной теорией значения живого слова (см.: [3]), постулирующей навигацию по мультимодальному гипертексту предшествующего опыта как огромной сети, увязывающей продукты переработки опыта познания мира и общения, когда активируются множественные связи (в том числе по линиям выводных знаний разных видов), учитываемые на разных уровнях осознанности и обеспечивающие переживание идентифицируемого слова как понятного. Иными словами, имеет место встречное моделирование того, что может лежать за воспринимаемым словом. Но как лучше назвать получаемый продукт? Термин «концепт» акцентирует когнитивную природу такого продукта, однако для живого знания специфично постоянное взаимодействие когнитивного с перцептивным и эмоционально-оценочным. Термин «симулятор» фокусируется на моделировании с неизбежной «подгонкой» искомым элементов опыта под ситуацию текущего момента, что в принципе правомерно, но тоже недостаточно. Ни один из этих терминов не отображает специфику получаемого мультимодального продукта, его природу, динамический характер, процессуальность и т.д. Можно надеяться, что последовательный переход на парадигму живого знания подскажет выбор термина, более отвечающего потребностям сегодняшнего дня. Можно привести и другие примеры того, как переход на новую систему координат вполне естественно влечёт за собой переосмысление привычных терминов, наполнение их новым содержанием вплоть до необходимости преодоления создающейся омонимии

через введение нового именованя. Так, термин «лексикон» не так давно объединил учёных разных стран в междисциплинарном исследовании ментального лексикона человека, но стало также высказываться мнение, что ментального лексикона как такового вообще не существует. Вполне понятно, что в таких случаях трактовка того, что стоит за одним и тем же, на первый взгляд, термином, не совпадает. Однако эта интересная и актуальная проблема требует отдельного обсуждения.

References:

1. Залевская А.А. Введение в психоллингвистику. 2-е изд. Москва: РГГУ, 2007. 560 с.
2. Залевская А.А. Двойная жизнь значения слова. Теоретическое и экспериментальное исследование. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012. 278 с.
3. Залевская А.А. Что там – за словом? // Словесная культура человечества через призму веков / Режим доступа: gisap.eu/node/29958
4. Залевская А.А. Роль общенаучной метафоры в познании: метафоры и мифы // Вчера, сегодня, завтра: историко-философское осмысление как основа научного мировоззрения / Режим доступа: gisap.eu/node/23507
5. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. 685 с.
6. Новейший психологический словарь / В.В. Шапарь и др. Ростов н/Д, 2006. 808 с.
7. Новейший философский словарь. 3-е изд. Минск: Книжный дом, 2003. 1280 с.
8. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997. 824 с.
9. Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2003. 576 с.
10. Barsalou, L.W. The human conceptual system // The Cambridge Handbook of Psycholinguistics. Cambridge, 2012. Pp. 239–258.
11. The American Heritage Dictionary of the English Language. New York, 1999. 2140 p.

International multilingual social network
for scientists and intellectuals.

International intellectual portal «PlatoNick» is a multilingual, open resource intended to facilitate the organization of multifaceted communication of scientists and intellectuals, promulgate their authoritative expert conclusions and consultations. «Platonick» ensures familiarization of wide international public with works of representatives of scientific and pedagogic community. An innovation news line will also be presented on the «Platonick» portal.

- Possibility of the informal communication with colleagues from various countries;
- Demonstration and recognition of creative potential;
- Promulgation and presentation of author's scientific works and artworks of various formats for everyone interested to review.

<http://platonick.com>